

СОБРАНІЕ СОЧНЕНІЙ

ЕГОРА ПЕТРОВИЧА
КОВАЛЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ И. И. ГЛАВУНОВА.

ТОМЪ III.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ, ВЪ 4-ХЪ ЧА-
СТЯХЪ, СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕ-
ТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

Коп. Кобанский
Давидов-Дмит
1847г. издан.

НЕССРЪ-УЛЛА БАХАДУРЪ ХАНЪ

И КУЧЬ ВЕГИ.

(Бухара).

Бухара эль шерифъ, Бухара святая, славная, только и города на Востокъ, что Бухара, Бухара рай земный, и мало-ль какихъ эпитетовъ не прилагають азіатцы и особенно бухарцы, говоря о своемъ отечественномъ городѣ, и мало-ль какихъ сказокъ не повторяють о немъ. Напримѣръ: повсюду свѣтъ нисходитъ съ неба на землю, въ одной Бухарѣ онъ занимается и восходитъ къ небу; это чудное явленіе видѣлъ самъ Магометъ, когда неся по поднебесью, сопутствуемый архангеломъ Гаврииломъ. Извѣстный персидскій поэтъ, Фердоуси, говоритъ, Бухара не городъ, рядъ городовъ. Европейскіе ученые придаютъ большую важность Бухарѣ и распространяють вліяніе ея просвященія не только на Востокъ, но даже на старинный западъ (Гиббонъ). Я помню, какъ Гаммеръ, въ бытность мою въ Вѣнѣ, силился доказать, что въ училищахъ Бухары скрываются цѣлыя сокровища книгъ, особенно по части исторіи. Да, въ Бухарѣ много училищъ, болѣе 300, но все ученіе въ нихъ ограничивается чтеніемъ корана, различнымъ толкованіемъ его текста и богословскими диспутами, которые ведутся по извѣстной формѣ; это нѣчто въ родѣ нашихъ старинныхъ бурсъ; къ довершенію сходства, бухарскіе ученики, во время каникулъ, ходять на заработки, какъ было нѣкогда и у насъ, и тѣмъ обезпечивають свое существованіе на остальное время года, особенно въ тѣхъ школахъ,

на которыя мірская благотворительность не слишкомъ распространилась: что же касается до историческихъ памятниковъ, то они немогли уцѣлѣть, если бы и были, при тѣхъ многочисленныхъ переворотахъ, которымъ подверженъ азіатскій городъ.

Послѣ всего, что мы слышали о Бухарѣ, конечно не безъ сердечнаго трепета приближались мы къ ней, отыскивая взорами рядъ городовъ, о которыхъ говорить Фердоуси, и чтожь мы не замѣтили Бухары, пока не толкнулись объ стѣны ея. Правда, роскошные сады, окружающіе загородные домики Бухары, сады, дышашіе ароматомъ и нѣгою юга, вполне вознаграждали наше ожиданіе и навѣвали отрадой на душу, истомленную единообразнымъ видомъ пустыни, а мысль о кровѣ, о пріютѣ послѣ трехъ-мѣсячнаго странствованія въ степи, гдѣ не видѣли ни жилья, ни цвѣтущаго деревца, гдѣ все изчало подѣ влияніемъ раскаленныхъ лучей солнца или притоптано набѣгами Киргизовъ, эта мысль заставила бы насъ забыть о самой Бухарѣ, если бы оглушительный шумъ не возвѣстилъ, что мы уже въ *святomъ* городѣ, въ которомъ можно полагать до 70,000 жителей. Длинный, почти сплошной рядъ стѣнъ, мѣстами разрушенныхъ, тянулся вдоль грязной и узкой улицы. Только большіе крытые базары, мечети и караванъ-сарай, лицомъ къ площадямъ, разнообразили городъ, да *аркъ*, дворецъ Хана, укрѣпленный и стоящій на высотѣ во всеуидѣніе, возвѣщалъ о присутствіи власти деспотической.

Грустное впечатлѣніе сдѣлала на меня Бухара.

Я не стану вамъ ее описывать въ подробности; послѣ описаній Мейендорфа и Бюрнса, это былъ бы лишній трудъ, и остановлю ваше вниманіе на ханѣ Нессръ-Уллѣ, который еще не былъ ханомъ въ бытность Мейендорфа въ

Бухарѣ, а Бюрисъ не удостоился быть ему представленнымъ.

Нессръ-Уллѣ, нынѣшнему хану Бухаріи, не болѣе 35 лѣтъ; онъ средняго роста, медленной и важной походки, худъ, въ лицѣ видно истомленіе сладострастной жизни, и блѣдность его выказывается еще ярче отъ бѣлой чалмы, навитой очень толсто на головѣ его; небольшіе черные глаза его въ безпрестанномъ движеніи, но если онъ говоритъ что-нибудь противное своимъ чувствамъ или старается увѣрить въ томъ, чего никогда не исполнить, то опускаетъ глаза свои въ землю, какъ-бы боясь, чтобы въ нихъ не прочли его тайной мысли, и набожно поглаживаетъ свою окладистую, прекрасную бороду *). Бухарцы говорятъ, что онъ храбръ, какъ левъ;—эта добродѣтель идетъ всегда впереди прочихъ въ Азіи;—правда, онъ лично велъ войска свои нѣсколько разъ на Коканъ, но поведеніе его въ послѣднемъ походѣ при Пишгарѣ не доказываетъ въ немъ большой храбрости. Страсть къ славѣ, къ завоеваніямъ, въ немъ есть, и онъ далеко не похожъ на тѣхъ хановъ, которые проявляютъ власть свою однимъ насиліемъ и тиранствомъ, живутъ въ сералѣ и умираютъ на висѣлицѣ. Нессръ-Улла сдѣлалъ много добра Бухаріи. Устройство артиллеріи и регулярнаго полка въ 1000 человекъ (сарбазовъ) оказало ему чрезвычайную пользу въ войнѣ съ Коканцами. Но всего ярче проявилась сила его характера въ низложеніи Кучь-беги.

Кучь-беги представлялъ характеръ совершенный въ восточномъ родѣ; онъ ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ въ

*) Портретъ его вскорѣ будетъ отлитографированъ (1843).

теченіе всей жизни, и самый опытный романистъ не могъ бы создать столь полнаго характера, не могъ бы выдерживать его такъ постоянно отъ начала до конца. Кучь-бегі былъ первымъ министромъ при покойномъ отцѣ хана, Мирь-Хайдерѣ и пользовался неограниченною его довѣренностію. Умный, хитрый, вкрадчивый, корыстолюбивый, суевѣрный, властолюбивый, онъ не щадилъ ни кого для достиженія своей цѣли, все и всѣхъ считалъ онъ за средства, которыя могъ употреблять по произволу, лишь бы онѣ давались ему.

Властвовалъ собственно Кучь-бегі, а Мирь-Хайдера тѣшилъ онъ призракомъ власти и названіемъ хана, но тѣмъ не менѣе надобно было его непрерывно тѣшить или усыплять, чтобы онъ не очнулся и не поступилъ съ нимъ такъ, какъ поступилъ впоследствии Нессръ-Улла.

Произшествіе, которое я сей часъ расскажу, отчасти выказываетъ характеръ Кучь-бегія. Онъ былъ не здоровъ и не весель, когда ему сказали, что въ Бухару пришелъ ферингъ, европеецъ, а зовется Мартынъ. Кучь-бегі, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, велѣлъ феринга посадить *въ яму*, а деньги и имущество у феринга отобрать. Вслѣдъ за тѣмъ доложили, что у феринга ни денегъ, ни какого вещественнаго имущества не оказалось, а есть какое то особенное, которое онъ покажетъ самому Кучь-бегію. Позвали феринга.

Мартынъ, — нестанемъ называть его по фамиліи, тѣмъ болѣе, что онъ извѣстенъ во всей Средней Азіи подъ именемъ Мартына и едва ли самъ помнитъ свою первоначальную фамилію, которую онъ мѣнялъ по произволу, — Мартынъ родился въ Галиціи; кое-чему учился, кое-что наследовалъ отъ *почтенныхъ* своихъ родителей, и съ этимъ незначительнымъ запасомъ покинулъ родину и от-

правился въ путь; переходилъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну и наконецъ очутился въ Лагорѣ, медикомъ въ арміи мага-раджи Реджидъ-Синга. Не подумайте однако, чтобы онъ принялъ это званіе, потому что былъ къ нему приготовленъ; вовсе нѣтъ! онъ также точно согласился бы быть инженеромъ или артиллеристомъ, если бы ему предложили то, или другое. Все это было дѣло случая. Мартынъ поступалъ по нѣмецкой пословицѣ: Богъ далъ мѣсто, дастъ и умъ! и дѣйствительно Мартынъ, покровительствуемый генераломъ Вентурою, былъ отличнымъ медикомъ, скопилъ себѣ небольшое состояніе и жилъ припѣваючи, какъ вдругъ попалъ въ извѣстную исторію, которая была между генералами Вентурой и Куртомъ за карету, единственную карету въ Лагорѣ, поссорился съ своими покровителями и долженъ былъ оставить владѣнія магараджи. Въ Индіи ему нечего было дѣлать и онъ пробирался на сѣверо-западъ, въ Среднюю Азію, не зная ни края, куда шель, ни цѣли, къ которой стремился. Онъ имѣлъ въ виду только одно, что въ Европѣ безъ денегъ плохо, а приобрести ихъ трудно.

Въ Кундузѣ, ханъ Муратъ-бей, какъ водится, ограбилъ его и выбросилъ за городъ, потому что считалъ его ни къ чему не годнымъ. До Бухары дотащился онъ мірскою милостынею.

— Посмотримъ, что за сокровище у тебя, сказалъ ему Кучъ-беги; какой-нибудь поддѣльный камень: знаю я васъ, европейцевъ, но меня не легко обмануть.

— Мое сокровище— знаніе! отвѣчалъ твердо Мартынъ,

Кучъ-беги, не знавшій этой фальшивой монеты Европы, принялъ слова Мартына за насмѣшку и пришелъ въ изступленіе. Ты смѣлъ ошлевать мою сѣдую бороду, по-

смѣяться надъ прахомъ предковъ моихъ... и прочее и проч.—Потокъ гнѣва его лился неукротимо; но Мартынъ выдержалъ напоръ его хладнокровно; только когда дѣло дошло до палокъ, онъ сказалъ, не теряя впрочемъ своей обычной смѣлости: «я покажу тебѣ это знаніе. Ты боленъ, я излечу тебя; ты скученъ, я развеселю тебя».

Кучь-беги укротился: это чортъ, а не человѣкъ, произнесъ онъ. Мартыну только этого и надобно было; ему гораздо выгоднѣе было слыть чортомъ, нежели человѣкомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ далъ Кучь-бегію слабительное, и тотъ выздоровѣлъ; принесъ ему дистиллированной виноградной водки, и Кучь-беги, предававшійся въ тайнѣ запрещенному напитку, не могъ надивиться искусству феринга. Мартынъ далъ ему еще какого то снадобья, за которое старикъ благодарилъ его болѣе всего.—Словомъ, судьба Мартына совершилась. Съ этихъ поръ начинается длинный рядъ его продѣлокъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить.

Кучь-беги любилъ деньги не какъ средство, а какъ цѣль; любилъ въ нихъ металлъ, звукъ, форму, нерѣдко безобразную, любилъ въ нихъ все,—а эта страсть, какъ извѣстно, самая сильная, самая изступленная. Мы уже замѣтили, что онъ не щадилъ ни какихъ средствъ для пріобрѣтенія денегъ, но нерѣдко духовенство, со своимъ кораномъ, разрушало самыя бойкія его затѣи. Такъ, однажды, онъ хотѣлъ увеличить пошлину съ привозныхъ товаровъ, но муллы ему доказали ясно, что коранъ претитъ брать съ товаровъ мусульманъ болѣе одного процента съ тридцати, и онъ долженъ былъ ограничиться налогами на однихъ кяфировъ, но и тутъ оказалось важное неудобство. Армяне и Индѣйцы, принимавшіе важ-

ное участіе въ торговлѣ Бухаріи, особенно первые, должны были избрать другой путь своей дѣятельности и Бухара, считавшаяся первымъ рынкомъ Средней Азіи, начинала утрачивать свою торговую важность, а это относилось къ Кучь-бегію лично, потому что онъ былъ первымъ купцомъ въ городѣ, по преимуществу купеческомъ.

Главнѣйшая отрасль доходовъ Кучь-бегія состояла въ косвенныхъ поборахъ. Онъ тщательно подстерегалъ богатыхъ купцовъ, и едва кто нибудь выказывался изъ толпы, немедленно являлись на него доносы или въ несоблюденіи правилъ вѣры, или въ употребленіи запрещеннаго Магометомъ напитка, или въ обмѣриваніи, обвѣшиваніи и проч. улика всегда была наготовѣ, и только значительный выкупъ, и нерѣдко конфискація всего имѣнія, спасали жизнь виновнаго. Въ Бухарѣ всѣ ходили только что не въ рубищахъ, повѣсивъ головы, набожно поглаживая бороды и бережно затаивъ свои мысли, нетолько поступки; но и тутъ Кучь-беги находилъ своихъ жертвъ, и въ этомъ случаѣ Мартынъ былъ дѣятельнымъ его помощникомъ. Онъ имѣлъ тѣсныя связи съ бухарскими евреями, по единовѣрію ли, — неизвѣстно было за истину какой религіи онъ придерживался, — или единомыслію, и черезъ нихъ вывѣдывалъ о богатствѣ и тайныхъ поступкахъ бухарскихъ подданныхъ; но наконецъ и эта мѣра налоговъ не могла же быть неисто щимую; правда ханъ мало обращалъ вниманія на повсемѣстную, особенно наружную бѣдность; онъ ханжилъ и довольствовался тѣмъ, что видѣлъ мечети, наполненныя народомъ, а благословенія ли возсылаютъ они, или проклятія, — онъ объ этомъ не справлялся; худо было то для Кучь-бегія, что многіе дѣйствительно обѣднѣли, другіе оставили Бухару. Онъ позвалъ Мартына.

Ты осель, а не мудрецъ, сказалъ онъ ему, и золота тебѣ не выдумать, мнѣ сказалъ Сикендеръ, (Бюрнсъ, котораго Кучь-беги уважалъ) такъ научи, какъ приобрѣсти его.—Мартынъ давно придумалъ одно очень затѣйливое по его мнѣнію, предпріятіе, которое сильно отдавалось Европой и только дожидалъ случая, чтобы объяснить его умному визирю.

— У васъ, въ благословенной Бухарѣ, сказали онъ, выпиваютъ чаю въ день столько, сколько въ другомъ мѣстѣ не выпьютъ воды; только и видишь, что чайныхъ продавцевъ на всѣхъ перекресткахъ, не говорю о караванъ-сараяхъ. Бухарецъ слова не скажетъ, не выпивши чашки чаю.

«Благодаря Аллаха, народъ эмира благоденствуетъ; но мнѣ что изъ того?»

— Мелкіе продавцы и обманываютъ и обкрадываютъ народъ: запрети имъ эту промышленность, предоставь ее одному себѣ, или отдай на откупъ.—Мартынъ объяснилъ, что значить откупъ, и смѣтливый визирь тотчасъ понялъ: глаза его заблестали радостью. Ты точно мудрецъ, воскликнулъ онъ. Но коранъ?

— Коранъ ничего неговорить о чаѣ.—Но Мартынъ ошибся. Духовенство ясно доказало кораномъ, что эта мѣра противна религіи и возстало противу нея всею своею силою. Вскорѣ померъ старый эмиръ и звѣзда счастья Кучь-беги закатилась: блестящее предпріятіе его не удалось.

Мартынъ съ званіемъ доктора долженъ былъ необходимо соединять званіе астролога, предвѣщателя и проч. Однажды старый ханъ вздумалъ похрабриться и собрать войско противъ Хивы; ему нехотѣлось подвергать своей особы опасностямъ и лишеніямъ похода и онъ ввѣрилъ

войско начальству Кучь-беги. Какъ было отдѣлаться отъ этого порученія визирю? Онъ посовѣтовалъ хану спроеить у звѣздъ, •благоприятна ли будетъ эта война и ка-кимъ образомъ вести ее? Призвали Мартына, и тотъ, разсмотрѣвъ, какъ слѣдуетъ, небо, отвѣчалъ положительно, что походъ удастся, но для блага Бухаріи нужно, чтобы Кучь-беги оставался дома и не покидалъ кормила государственнаго правленія.—Войско отправилось подъ начальствомъ какого-то узбека, но не прошло и двухъ недѣль, какъ оно прибѣжало назадъ, разбитое непріателемъ и гонимое страхомъ. Ханъ велѣлъ казнить главно-начальствующаго экспедиціей и Мартына; но Кучь-беги спасъ Мартына. «Что ему въ своей головѣ, возразилъ онъ хану; захочетъ, найдетъ другую; вѣдь онъ самъ дьяволь: зачѣмъ же наживать его злобу».

Это обстоятельство показало Мартыну всю невѣрность его положенія въ Бухарѣ; а хлѣбъ, добываемый имъ, былъ тяжелъ и горекъ. Можетъ быть Мартынъ заглянулъ и внутрь себя, вѣдь бываютъ же эти злосчастныя минуты въ жизни, и ему стало страшно убить нравственное существованіе свое, убить надежду на будущее, надежду, единственную утѣшительницу въ жизни... О бѣдность, бѣдность, до чего ты низводишь людей! Проповѣдуйте о твердости, о нравственномъ величїи духа, ле-жа въ бархатныхъ креслахъ, а низойдите до положенія Мартына...

Какъ бы то ни было, онъ рѣшился оставить Бухару. Россія ему представлялась еще Азіей, только болѣе степриимной, въ которой было много не початыхъ рудниковъ для его дѣятельности, и онъ рѣшился ѣхать въ Россію. Послѣ долгихъ усилій, Кучь-беги отпустилъ его, но, какъ водится, велѣлъ прежде обобратъ его съ ногъ

до головы. Мартынь, наученный опытом, предвидѣлъ это и вручилъ свой маленькій капиталецъ одному честному еврею, который и возвратилъ его въ цѣлости на границѣ русской. Не посчастливилось Мартыну и въ Россіи...

Судьба Кучь-бегиа. совершилась иначе. Молодой ханъ Нессръ-Улла, выведенный наконѣцъ изъ терпѣнія деспотическими поступками Кучь-бегиа, рѣшился отдать приказаніе схватить его, но такъ испугался этой минутной рѣшимости, что выѣхалъ за городъ и окружилъ себя войскомъ; онъ готовъ былъ отмѣнить это распоряженіе, какъ ему донесли, что Кучь-беги уже схваченъ и брошенъ въ яму. Имѣніе его было конфисковано, но Нессръ-Улла оставилъ на этотъ разъ ему жизнь, по просьбѣ старой ханши, своей матери. Кучь-беги удалился, по соизволенію хана, въ маленькое, оставленное ему помѣстье и жилъ какъ истинный философъ, узнавшій всю тщету человѣческой власти. Разъ, сидя со своими домашними въ саду, онъ увидѣлъ цѣлую ватагу приближавшихся къ нему вооруженныхъ людей: это мои палачи, сказалъ онъ равнодушно, — и дѣйствительно это были палачи, присланные ханомъ. Кучь-беги пошелъ на казнь, также безпечно, какъ онъ ходилъ въ свой садъ.

ЭКСПЕДИЦІЯ

на

ПУТИ ВЪ БУХАРУ

И ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ, ДѢЙСТВОВАВШАЯ ПРОТИВЪ ХИВЫ.

(1839—1840 годъ. Киргизъ-казачья степь).

Посвящено К—нъ Ал—нъ Гер...съ.

Мы давно уже совершили обыкновенный караванный переходъ, но, по просьбѣ одного изъ спутниковъ нашихъ, все еще шли впередъ, до мѣстъ, которыя онъ хотѣлъ указать намъ, и только около вечера остановились близъ Менъ-эвлии (въ Большихъ Барсукахъ).

Вотъ мѣсто нашихъ печальныхъ приключеній, сказалъ онъ, и когда привѣтливый огонекъ освѣтилъ и согрѣлъ нашу джулону, когда благодатный чай освѣжилъ насъ, онъ началъ читать свой путевой журналъ 1839 — 1840 годовъ, памятныхъ въ киргизской степи по многимъ отношеніямъ. Я передаю этотъ журналъ, только съ нѣкоторыми сокращеніями *).

*) Экспедиція въ Бухару, состоявшая изъ 14 человекъ, шла при купеческомъ караванѣ; она выступила изъ Оренбурга за нѣсколько дней до выхода военной экспедиціи противъ Хивы, когда непріязненные дѣйствія между Россіей и этимъ ханствомъ уже начались.

ГЛАВА I.

Сборы караванныхъ вощиковъ. Кочевка ауловъ Утурали; его затруднительное положеніе. Разговоръ съ нами. Онъ ввѣряетъ своего сына въ вожатые. Отправленіе Мамбета въ отрядъ, дѣйствующій противъ Хивы. Быстрота сообщеній между Киргизами.

21 Ноября. Большіе Барсуки.

Между тѣмъ, какъ военная экспедиція противъ Хивы подвигалась къ Эмбѣ, мы, окруженные дозоромъ хивинскихъ посланцевъ, возбудившихъ противъ насъ враждебныхъ Киргизовъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней оставались неподвижными на Большихъ Барсукахъ, въ аулахъ Чиклинскаго рода, или кружили около нихъ, подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобы дать время вощикамъ приготовиться въ дальнѣйшій путь, перемѣнить больныхъ верблюдовъ, заpastись пищею и проч., и между тѣмъ, какъ тѣ пировали въ своихъ аулахъ, ихъ батыри и старшины пировали въ нашемъ караванѣ, воровали и грабили, слѣдуя повсюду за нимъ со своими аулами.

Пестра и занимательна картина кочевки киргизскаго аула. Съ вечера, на канунѣ выступленія, въ немъ спокойно и беззаботно, но завтра приходитъ все въ движеніе: мужчины вихремъ носятся по разнымъ направленіямъ степи; старшины отыскиваютъ воду и удобныя пастбища для становья, сторожевые выглядываютъ барантовщиковъ, которые предпочтительно нападаютъ во время перехода аула, иные собираютъ стада, другіе наконецъ рыщутъ для потѣхи, отъ нечего дѣлать; между тѣмъ бѣдныя женщины снимаютъ кибитки, вьютъ верблюдовъ, укладываютъ на нихъ дѣтей и маленькихъ ягнятъ,

потомъ и грязью покрываются въ этой изнурительной работѣ; за то, послѣ, наряжаются въ лучшія свои платья, садятся на убранныхъ коней, и длинная вереница верблюдовъ выступаетъ почти подъ прикрытіемъ ихъ однихъ, потому что мужчины, какъ мы уже замѣтили, не любятъ тащиться въ шагъ верблюда, и тутъ то болѣею частію налетаетъ лихая баранта, и прежде чѣмъ всадники соберутся на крикъ и шумъ, отхватываетъ навьюченныхъ верблюдовъ, лошадей, стада овецъ, увозить женщинъ, которыя часто бываютъ предметомъ этихъ наѣздовъ, и нерѣдко заодно съ барантовщиками.

Послѣ многихъ переходовъ, или, правильнѣй, обходовъ, достигли мы ауловъ Утурали. Каково же было наше удивленіе, когда онъ, послѣ перваго холоднаго свиданія съ нами, скрылся, и, не смотря на всѣ усилія наши, не смотря на то, что находился почти безвыходно въ караванѣ, непоказывался намъ. Наконецъ, разъ, въ полночь, онъ взошелъ въ нашу кибитку со всевозможными предосторожностями, — «я погибъ, если узнаютъ о моихъ сношеніяхъ съ вами, были первыя слова его; Науманъ (хивинскій посланецъ) сторожитъ насъ, и моя безусловная преданность Россіи возбуждаетъ давно его подозрѣнія». Я отдалъ Утурали письмо отъ султана—правителя Юсупа и требовалъ искренняго и рѣшительнаго совѣта относительно своего положенія.

Утурали сомнительно покачалъ головой. Это былъ старикъ лѣтъ 75, бодрый и здоровый, съ нависшими сѣдыми бровями, съ чертами лица общими «черной кости, но выказывавшій свое внутреннее достоинство обращеніемъ важнымъ и какою-то самоувѣренностію въ словахъ. Онъ пользовался совершеннымъ довѣріемъ Русскаго правительства, имѣлъ отъ него двѣ медали, и не смо-

тря на свое сильное вліяніе на Киргизовъ, держался между правительствами Хивинскимъ и нашимъ, не возбуждая противъ себя ни ненависти своихъ, ни подозрѣнія сосѣдственныхъ властей, изъ которыхъ одной платилъ онъ поголовной податью, а другой истинною, хотя малополезною преданностію. Эта двойственная роль, извиняемая его настоящимъ положеніемъ, свидѣтельствуетъ о его умѣ и ставитъ высоко между Киргизами. Впрочемъ, политическая жизнь Утурали еще не кончилась, и будетъ чудо, если онъ неиспытаетъ превратности судьбы на своемъ скользкомъ пути *).

«Пока въ моемъ аулѣ, вы безопасны, сказалъ онъ, никто не захочетъ нажать себѣ пожизненной вражды моей и моихъ дѣтей; но только оставите аулы, я неручаюсь болѣе ни за что». Вѣдь мы умѣли отстаивать себя до сихъ поръ, отвѣчалъ я. — «Потому что не было дружнаго нападенія, потому что вы были недалеко отъ своихъ укрѣпленій и имѣли подъ рукой нѣсколько преданныхъ себѣ старшинъ; но чѣмъ вы болѣе станете удаляться отсюда, тѣмъ положеніе ваше будетъ сомнительнѣй. Съ Науманомъ идетъ въ Хиву на службу наша молодежь, безначальная и буйная; ей будетъ весело сослужить хану первую службу и представить ему васъ, а еслибы, недостало для этого нашихъ Киргизовъ, то въ аулѣ Джингази, котораго вы встрѣтите, найдется довольно удалцовъ на такое дѣло. На караванныхъ людей и на бухарскаго эльчи, посла, какъ вы видѣли, вамъ нечего надѣяться; при первомъ появленіи вооруженнаго всадника, они скроются въ своихъ джулумахъ, какъ бы-

*) Утурали получилъ чинъ хорунжаго, за его содѣйствіе въ нашемъ дѣлѣ.

ло въ ту пору, когда окружила васъ шайка Акмана».

— Въ такомъ случаѣ надо тайно оставить караванъ и однимъ прокрасться въ Бухару: ты конечно добудешь намъ хорошихъ вожаковъ, а можетъ и самъ захочешь насъ проводить.

Нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно, этого не будетъ, у каждаго колодца на Кизиль-гумѣ сидятъ Киргизы, преданные Хивѣ, и птица не пролетитъ, непримѣченная ими; а если-бы вы и миновали ихъ, то какъ вамъ избѣжать хивинцевъ, которые сторожатъ на всѣхъ трехъ путяхъ между Сыромъ и Куванью. Съ правой стороны стоитъ Бабаджанъ съ 300 Хивинцевъ и Каракалпаками, на полдень, прямо, Туджа-Ніазъ съ 350 человекъ, большею частію Туркменовъ, а на восходъ солнца самъ Веизъ съ Хивинцами и цѣлою ордою преданныхъ имъ Киргизовъ. Думаете ли, что Науманъ не далъ имъ знать о томъ, что вы идете въ Бухару, и не станетъ слѣдить васъ на побѣгъ? Нѣтъ, по моему лучше прямо ѣхать въ Хиву, чѣмъ дѣлать этотъ обходъ, а еще лучше предаться волѣ Божіей и ожидать отъ нея рѣшенія своей судьбы.»

— А по моему не такъ, отвѣчалъ я съ досадою, и прежде чѣмъ попаду въ Хиву, испытаю всѣ средства, чтобы избавиться отъ нея. Я призвалъ тебя за тѣмъ, чтобы ты помогъ намъ, или, покрайней мѣрѣ, подаль мудрый совѣтъ въ этомъ дѣлѣ; а если бы мнѣ нужно было учиться вашей вѣрѣ въ предопредѣленіе судьбы, то я послалъ бы за муллою и не вводилъ бы тебя въ напрасный страхъ, подпасть въ немилость Наумана, которому вы здѣсь держите стремя, когда онъ садится на лошадь.

«Мудры твои рѣчи, но и въ моихъ есть смыслъ; ско-

рѣе Науманъ станетъ держать стремя моего сѣдла, чѣмъ я его.»

— Утурали, время дорого, сказалъ я рѣшительно, хочешь ли ты доказать преданность свою Россіи, хочешь ли быть полезнымъ намъ? вспомни, я писалъ съ Мамбетомъ, что мы вполнѣ предались тебѣ, и что спасеніе и гибель наша падетъ на тебя.

Я забылъ сказать, что за нѣсколько дней до этого, собравъ довольно положительныя свѣдѣнія о движеніи войскъ хивинскихъ на Акъ-булакское укрѣпленіе и о положеніи дѣлъ въ самой Хивѣ, я рѣшился извѣстить обо всемъ Корпуснаго Командира, который, съ отрядомъ войскъ, былъ уже, по моему расчету, на пути около Бишъ-тамака. Съ этими свѣдѣніями послалъ я Мамбета, какъ единственнаго человѣка, на вѣрность котораго могъ положиться, хотя присутствіе его при мнѣ было не только полезно, но почти необходимо, а поѣздка его была не безопасна. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ Киргизы узнали о его отбытіи: поднялась тревога, изготавилась погоня, но было поздно: Мамбетъ былъ далеко. Аулы боялись, чтобы онъ не навелъ на нихъ Русскій отрядъ, и въ этомъ страхѣ оставался самъ Утурали, а потому слова мои сильно взволновали его; старикъ нѣсколько задумался и потомъ началъ.

Оставить караванъ надобно непременно; но куда идти? На Оренбургъ далеко, и нельзя обойтись на пути безъ верблюдовъ, а съ ними не уйдешь отъ погони; на Орскъ—надо проходить опять аулы Акмана; кромѣ того вы можете попасть на шайку Кенисары, или его тестя; на Чушка-куль (Акъ-булакъ) и думать нечего: теперь навѣрное хивинскіе отряды заняли всѣ перепутья къ нему, а можетъ смѣнили Русскихъ и въ самомъ укрѣпле-

*

ни; на Эмбу *) всего бы лучше и почти ближе, но туда и погоня будетъ всего скорѣе: рѣшайте сами, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я рѣшилъ, былъ мой отвѣтъ. Остается найти вожа-
тыхъ.

Утурали неспрашивалъ, какой путь я избралъ, пости-
гая всю важность тайны. «Вожатаго нечего далеко ис-
кать, сказалъ онъ, я дамъ вамъ своего любимаго сына,
Ніаза, вы его знаете, пускай умретъ тамъ, гдѣ умрете
вы; этимъ онъ докажетъ и благодарность свою къ вамъ
и преданность отца вашему правительству». Я понималъ
всю святость такого пожертвованія и не расточалъ бла-
годарности, которая во всякомъ случаѣ была бы ниже
своего предмета.

Разговоръ склонился на положеніе Хивы, изъ которой
недавно пріѣхали въ аулъ базарчи, а въ числѣ ихъ одинъ
изъ сыновей Утурали. Раздѣляя общее мнѣніе азіатцевъ
о силѣ Хивы, а болѣе о недоступности ея, онъ сомнѣ-
вался въ успѣхѣ нашей военной экспедиціи, говорилъ,
что жители въ Хивѣ совершенно спокойны, но въ Кун-
градѣ было нѣкоторое волненіе, когда узнали о прихо-
дѣ Русскихъ на Агъ-булакъ; теперь же, прибавилъ онъ,
и тамъ все утихло, потому что ханъ послалъ лучшаго
своего военачальника и самаго любимаго человѣка, из-
вѣстнаго батыря, (я забылъ его имя) съ сильнымъ от-
рядомъ Туркменовъ и Хивинцевъ на Агъ-булакъ, строго
наказавъ истребить весь гарнизонъ и срыть укрѣпленіе,
или засѣсть въ немъ самимъ, ожидая главнаго отряда
Русскихъ.»

*) На Чушка-кулъ и Эмбѣ были временныя укрѣпленія военной
экспедиціи, дѣйствовавшей противъ Хивы.

И ты думаешь, что этотъ наказъ также легко выполнить, какъ отдать? спросилъ я.

«Не легко, но Туркмены храбры и отрядъ ихъ великъ, а вашъ гарнизонъ слабъ и въ немъ много больныхъ. Вотъ почему я всего менѣе совѣтывалъ бы вамъ идти въ Акъ-булакъ.

— Но почему вы знаете о состояніи гарнизона въ Акъ-булакѣ, когда никто изъ вашихъ не былъ въ немъ?

Вѣсть—залетная птица въ Киргизской степи; она кружитъ по ней во всѣ стороны, переносится изъ аула въ аулъ, въ бѣдную юрту Киргиза, скрывающагося въ камышахъ отъ нищеты, холода и насилія, и облетавъ все кочевое племя, перелетаетъ къ осѣдлымъ сосѣдямъ. Жадные къ новостямъ, Киргизы пируютъ пріѣзду вѣстника какъ дорогаго гостя и потомъ скачутъ въ другой аулъ, раздѣлить новый пиръ и не рѣдко получить отъ хозяина «суэнчу» *). Рысая по степи для баранты, или высматривая въ свою очередь барантовщиковъ, Киргизъ скрывается гдѣ нибудь въ камышахъ, или за горой, прислушивается поминутно къ землѣ, выглядываетъ малѣйшія подробности, нерѣдко прокрадывается къ самымъ укрѣпленіямъ, проникаетъ во враждебные аулы, гдѣ имѣетъ кого-нибудь изъ друзей или родственниковъ, и возвращаясь домой, привозитъ обильный запасъ разсказовъ, которые, переходя чрезъ тысячи устъ, сохраняютъ удивительную неизмѣняемость. Такимъ образомъ мы въ первый разъ услышали отъ Карабашевцевъ, что ханъ Внутренней Орды, Джанкиръ, удостоился получить алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени: извѣстіе это еще

*) Суэнча,—подарокъ за радостную вѣсть.

не было получено въ Оренбургѣ, при отправленіи нашемъ оттуда.

Утурали подтвердилъ все слышанное уже мною о положеніи дѣлъ въ Хивѣ. Мы разстались далеко за полночь.

•

ГЛАВА II.

Рассказъ о Достъ-Мухаметъ-ханѣ одного изъ родственниковъ его. Мухаметъ Эвтимшевъ; его таинственность. Онъ предлагаетъ намъ свои услуги. Мятежная жизнь Мухамета и его раскаяніе. Мы рѣшаемся присоединить его къ горсти своихъ людей. Ожиданіе вожатаго. Нашъ отъѣздъ; перестрѣлка. Приключеніе.

Ноября 21 дня.

Въ толпѣ, провожавшей хивинскихъ посланцевъ, отличался своими благородными движеніями и чертами лица правильными, выразительными, одинъ молодой человекъ, пользовавшійся наружнымъ уваженіемъ Киргизовъ и видимо презиравшій Хивинцевъ. Задумчивый, чуждый этой дикой ватагѣ, въ которой находился, казалось, болѣе по необходимости, чѣмъ по произволу или по рожденію, онъ видимо искалъ встрѣчи съ нами.

Разъ, ночью, посѣтилъ онъ насъ.

— Я Авганецъ и близкій родственникъ Достъ-Мухаметъ-хана, сказалъ онъ....

Мы еще не знали объ окончательной участи Кабульскаго хана, возбуждавшаго въ то время общее участіе: извѣстно было, что изгнанный изъ своего отечества, гдѣ властвовалъ такъ долго, гдѣ былъ любимъ народомъ, котораго спокой-

ствіе и миръ упрочилъ правдивымъ судомъ и оружіемъ, онъ рѣшился испытать всѣ средства, чтобы возвратить себѣ престоль, на который былъ уже посаженъ Англичанами Шахъ-Шуджа, старый, женоподобный, не любимый своимъ народомъ. Достъ-Мухаметъ рѣшился вступить въ новую борьбу съ Европейцами, которые умѣли приковать къ себѣ судьбу «икбаль», по понятіямъ Азіятцевъ.

Мы спросили о Достъ-Мухаметѣ. Авганецъ молчалъ: глаза его налились слезами, потомъ кровью, лице блѣдное, юное, на которомъ едва пробивался первый пухъ, побеговъ. Долго не могли мы ничего понять изъ его отрывистыхъ восклицаній и проклятій; но когда первый гнѣвъ, первый порывъ его отчаянія опалъ, онъ съ терпѣніемъ покорился судьбѣ, составляющей для магометанина и тяжелый камень, навалившійся на его волю и утѣшеніе въ несчастіи, которое для него предопредѣлено свыше и слѣдственно неотвратимо.

Здѣсь расскажем мы то, что слышали отъ Авганца и что впоследствии узнали о несчастномъ ханѣ. Достъ-Мухаметъ оставилъ родину затѣмъ, чтобы вымолить помощь у хановъ Средней Азіи, изъ которыхъ съ нѣкоторыми состоялъ въ родственной связи. Онъ склонялъ ихъ къ дружескому союзу противъ общаго врага, сулилъ успѣхъ, тратилъ свою казну, которую успѣлъ захватить съ собою: все напрасно. Наскучивъ обѣщаніями одного изъ нихъ, онъ кинулся въ Кундузъ. Муратъ-бей, нѣкогда славный разбойникъ, тотъ самый, который ознаменовалъ себя гибелью Муркрафта, нынче ослабѣвшій, преданный сладострастію и вину старикъ, говорятъ, даже сдѣлавшійся кроткимъ, вѣроятно отъ нравственнаго безсилія, Муратъ-бей, хотя ненавидѣвшій Англичанъ, думалъ о добычѣ болѣе легкой, и въ Кундузѣ! Достъ-Мухаметъ

былъ не въ безопасности. Разъ, сидѣлъ онъ у Муратъ-бея, и былъ печаленъ по обыкновенію: «Будемъ молиться, сказалъ хозяинъ, Богъ великъ, утѣшитъ и наставитъ насъ! — Не могу, отвѣчалъ Достъ-Мухаметъ, слишкомъ печаленъ мой духъ. — «Развеселимся, сказалъ Муратъ-бей, и предложилъ ему ночную вакханалію. Достъ-Мухаметъ отвергъ ее. «Чѣмъ же мнѣ утѣшить тебя, моего душевнаго, моего перваго друга». — «Дай войска! — «Зачѣмъ оно тебѣ»? — Ты знаешь: выгнать изъ своего отечества нашего общаго врага. — «Стоитъ ли думать объ этихъ невѣрныхъ: плюнь на нихъ». — Подумай, что и тебя тоже ожидаетъ, что уже постигло меня. — «Какъ, меня, меня... чтобъ эти кяфиры, чтобъ эти бѣлоглазые Инглезы... и ханъ чрезвычайно расходился, а когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Англійское войско проникло до его владѣній, онъ изготовился не къ оборонѣ, а къ бѣгству.

Достъ-Мухаметъ оставивъ Кундузъ съ горстію своихъ и частію узбековъ, сочувствовавшихъ его несчастію, проникнулъ въ Гиндо-Кушъ; тутъ присоединились къ нему многіе изъ преданныхъ ему Авганцевъ и непріятельскія дѣйствія противъ Англичанъ начались. Сначала онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но нестройная толпа его, волнуемая интригами подкупленныхъ министровъ Достъ-Мухамета, безъ артиллеріи и дурно вооруженная, не могла долго противостоятъ англійскимъ отрядамъ; близъ утеса Пурень-дурага, она была разбита совершенно и разметана въ разныя стороны. Достъ-Мухаметъ не хотѣлъ пережить своего несчастія, но вѣрный слуга спасъ его отъ насильственной смерти и увлекъ за собою. Только вдвоемъ пустились они въ путь, и — какъ объяснить это? — направились въ Кабуль, между тѣмъ какъ могли бы опять

достигнуть Кундуза или Бухары. Боялся ли низверженный и покрытый стыдомъ ханъ купленного гостеприимства своихъ мнимыхъ друзей или другія причины руководили его, только онъ добровольно явился въ Кабуль и сдался плѣнникомъ Англичанамъ.

Разсказываютъ очень странное обстоятельство, случившееся въ это время съ Достъ-Мухамметомъ: на пути, томимый усталостію и жаждою, онъ остановился, чтобы перевести духъ, и поискать гдѣ-нибудь вблизи воды, но ни ключа, ни колодца не нашель онъ, и, изнеможенный, готовъ уже былъ сѣсть на своего добраго коня, какъ вдругъ явился передъ нимъ старикъ, тотъ самый, который за два дня до того предрекъ ему поражение при Пурень-дуратъ:» Вотъ тебѣ вода, сказалъ онъ, подавая турсукъ; напои коня и утоли жажду свою: тебѣ надобно жить, потому что ты будешь царствовать». Старикъ исчезъ также внезапно, какъ и явился *).

Во время пребыванія нашего въ аулахъ мы встрѣтили Киргиза, чрезвычайно замѣчательнаго въ кругу своего народа. Онъ взошелъ въ джудуму сопровожденіи двоихъ товарищей своихъ, и на обыкновенный вопросъ: кто онъ? просилъ не спрашивать объ имени, пока не узнаемъ его лично. Эта таинственность не понравилась намъ, но хитрый Киргизъ умѣлъ искусно вывести разговоръ изъ колеи обыкновенныхъ предметовъ и въ короткое время обнаружить весь свой умъ и краснорѣчіе, этотъ даръ, по преимуществу, азіятскаго народа и языка; онъ приводилъ для своихъ доводовъ подлинникомъ тексты корана, толковалъ ихъ не тѣми софизмами и общими мѣ-

*) Достъ-Мухаметъ ханъ теперь на пути въ Кабуль. Что его ожидаетъ тамъ, не извѣстно. (1849).

стами, которые избиты въ медресе Бухары и Самарканда, но сообразно собственнымъ понятіямъ, выказывавшимъ глубокое изученіе предмета; коснулся нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Оренбургѣ и Петербургѣ; спрашивалъ о перемѣнахъ въ образѣ управления и хитро умѣлъ привлечь къ себѣ наше любопытство. Разговоръ необходимо долженъ былъ склониться на наше положеніе, и онъ искусно умѣлъ накинуть на него самую мрачную тѣнь, «но Богъ великъ! прибавилъ онъ. Умоляю васъ только объ одномъ: куда бы вы ни пошли, что бы ни предприняли, не покидайте меня, соедините съ собою въ одно тѣло, слейте въ одну душу со своей; я пойду съ вами впередъ, пойду назадъ, не смотря на то, что тамъ и тамъ меня ожидаетъ одинакая опасность; останусь здѣсь, и вмѣстѣ съ вами подставлю подъ ножъ свою шею; пошлите одного въ «отрядъ» или въ Оренбургъ съ извѣстіемъ о себѣ, и я поѣду, чтобы потомъ ни было со мною».

Я слишкомъ привыкъ видѣть обманъ и корысть во всѣхъ поступкахъ и словахъ Азіятцевъ, чтобы вѣрить человѣку, который скрывалъ отъ меня свое имя.

«Я стыжусь своего имени, возразилъ онъ, но скажу его, хотя бы вы, послѣ, изгнали меня отсюда, какъ собаку.—Стоитъ тебѣ присоединиться къ врагамъ нашимъ, и ты можешь силою войти туда, гдѣ за минуту былъ гостемъ, хотя дорого вамъ обойдется это незванное посѣщеніе, возразилъ я, наскучивъ его безпрестанными метафорами и отступленіями.

«Не взводите на меня новаго преступленія: я много пострадалъ за прежнія. Подумайте только, что я скитаюсь въ степи нѣсколько лѣтъ, безъ родины и безъ пріюта, питаюсь чужимъ кускомъ, вдали отъ своей семьи, отъ

всего, что мило моему сердцу,—я Мугаметъ Эвтимішевъ.

Мугаметъ Эвтимішевъ, родомъ изъ внутренней Букевской орды, былъ старшимъ Совѣтникомъ при ханѣ Джангирѣ, безотчетнымъ распорядителемъ въ его домѣ и ордѣ и другомъ его сердца.—Не буду вникать въ причины, понудившія его къ измѣнѣ. Вмѣшавшись въ мятежъ, произведенный въ ордѣ племянникомъ Джангира, Каипъ-Галлиемъ, домогавшимся ханскаго достоинства, онъ вскорѣ сдѣлался главою и двигателемъ мятежа, но мятежъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій, былъ усмиренъ Русскимъ отрядомъ; Каипъ-Галли былъ схваченъ, а Мугаметъ умѣлъ спастись. Долго спустя, когда Каипъ-Галли бѣжалъ, при его содѣйствіи, изъ темницы Оренбурга и присоединился съ приверженцами своими къ шайкѣ знаменитаго въ то время батыря Исетая, явился и Мугаметъ, душою и путеводителемъ Исетая, котораго имя гремѣло вездѣ, неразлучное съ разбоемъ, грабежемъ и самой отчаянной отвагой. Его поступки на границахъ русскихъ истожили терпѣніе нашего Правительства. Посланъ былъ отрядъ въ степь. Онъ настигъ, или лучше сказать наткнулся нечаянно, не жданно, на шайку Исетая.... дружный залпъ артиллеріи отбросилъ Киргизовъ назадъ. Вскорѣ отрядъ нашъ оправился отъ перваго замѣшательства, напалъ, разбилъ нестройную толпу и разметалъ остатки ея. Исетай долго прикрывалъ бѣгство своихъ, носясь отъ одной толпы къ другой и метая безпрестанно стрѣлы въ Русскихъ; онъ слишкомъ надѣялся на своего коня, но сытый конь загорѣлся; тогда Мугаметъ схватилъ подъ устцы его коня и повлекъ за собою, между тѣмъ казаки примѣтили и узнали Исетая: пули градомъ посыпались на него, но онъ оставался невредимъ; тутъ только смекнули наши, что онъ въ панцырѣ, ста-

ли мѣтить въ лошадь и вскорѣ подстрѣлили ее. Вмѣстѣ съ нею упалъ Исетай; Эвтимишевъ употребилъ послѣднее усиліе, чтобы поднять его и посадить на свою лошадь, но было поздно,—налетѣвшіе казаки изрубили Исетая.—Мугаметъ опять успѣлъ спастись.

Въ общихъ выраженіяхъ, я обѣщаль Эвтимишеву довести до свѣдѣнія правительства о его раскаяніи и даже ходатайствовать за него, но уклонялся отъ его услугъ. «Вы открыли мнѣ двери рая и оттолкнули отъ порога, сказалъ онъ, сомнительно покачавъ головой. Знаю, ваше правительство можетъ меня простить, но только тогда, когда я выкуплю преступленія важною услугою Россіи или Русскимъ. Повѣрите ли оно искренности моего раскаянія, если вы сами не повѣрите ей, а если и повѣрите, то возвратить ли мнѣ за эту плату, слишкомъ для него ничтожную, мою родину. На васъ была вся моя надежда! Уже представлялись мнѣ роскошные берега Волги, и мой ауль, и моя кибитка, уже видѣлись мнѣ мои жены, дѣти: всѣ собрались вокругъ меня... Мугаметъ говорилъ восторженно, закрывъ глаза и едва переводя дыханіе. Чтобы перемѣнить разговоръ, я обратился къ другому Киргизу и спросилъ его, такъ ли пламенно желаетъ онъ вернуться на свою родину? Онъ молчалъ; я взглянулъ на него пристально, и при слабо мерцающемъ огонькѣ увидѣлъ крупныя слезы на глазахъ его. Боже правды, не ужели это притворство! Неужели это не искреннее, глубокое чувство! Я волновался сомнѣніемъ. Какъ бы угадывая мои мысли, Мугаметъ сказалъ: вы боитесь меня, какъ ножа: я ножъ, только не обоюдо острый, и буду полезень въ рукахъ того, кто умѣетъ управлять имъ.

Оставить его на жертву раскаянія, если оно чисто-

сердечно, было бы грѣшно; вѣрится ему, избрать своимъ вожатымъ, было бы безразсудно. Между тѣмъ надобно было дать рѣшительный отвѣтъ. Я приказалъ ему пріѣхать въ 10-ть часовъ вечера, для того, прибавилъ я, чтобы не замѣтили въ караванѣ нашихъ частыхъ сношеній. «Прикажете пріѣхать одному, или съ товарищами?» Спросилъ онъ съ покорностію.—Одному.

Настала ночь нашего отъѣзда. — Зги не было видно, такъ темна и буранна была эта ночь: все намъ благопріятствовало, а вожатый не являлся.

Пріѣздъ Мугамета былъ замѣченъ сторожившими насъ Киргизами, но онъ не могъ навлечь на насъ ихъ подозрѣнія, потому что Мугаметъ извѣстенъ былъ своими преступленіями противъ Россіи.

Лошади всегда оставались на ночь у прикола, вокругъ кибитки, а потому и это обстоятельство не могло возбудить подозрѣнія; въ кибиткѣ казаковъ, прикрытой небольшимъ возвышеніемъ, не раскладывали огня, чтобы свѣтъ его, пробившись въ отверстія кошомъ, не могъ открыть поля нашего дѣйствія: безпокоило насъ нѣсколько то, что Арасланъ, съ батыремъ Исетомъ, ночевалъ въ караванѣ, а намъ извѣстна была дружеская связь Мугамета съ послѣднимъ. Это обстоятельство, можетъ быть случайное, наводило на него тѣнь подозрѣнія въ нашемъ умѣ, настроенномъ къ недовѣрчивости.

Время текло; нетерпѣніе наше возрастало; минуты длились часами. Напрасно выходили мы безпрестанно изъ кибитки: не слышно было конскаго топота; вожатые не являлись; только слова «карабъ-утыръ» *) раздавались

*) *Сиди и гляди*, или *сидя гляди*; это откликъ караванныхъ часовыхъ, соотвѣтствующій нашему «слушай».

протяжно и неумолжно вокругъ каравана, да кое-гдѣ, въ кибиткѣ, влики пирующихъ. Тебѣ некуда ѣхать ночью, сказалъ я, обращаясь къ Мугамету, ночуй съ нами. Тутъ впервые закралось въ него сомнѣніе. Онъ зналъ, что мы послали Мамбета въ отрядъ и, замѣчая наше нетерпѣніе, думалъ, не ждемъ ли мы Русскаго отряда и не хотимъ ли предать его.—Если черная мысль взволновала тебя, сказалъ я, сотвори молитву, возьми къ себѣ эти заряженные пистолеты и ложись между нами.—Эвтимисевъ успокоился.

Было около полуночи; вдругъ передняя кошма зашевелилась, приподнялась, и изъ-за нея показалось таинственно киргизское лицо, озирающееся кругомъ: это былъ Нязъ, сынъ Утурали, нашъ вожатый! Мигомъ все было готово. Оставалось сказать караванъ-башу и послу о своемъ отъѣздѣ и поручить имъ нѣкоторыя вещи, хотя мы очень сомнѣвались въ томъ, чтобы онѣ были когда либо доставлены намъ; эта мѣра была однако необходима, чтобы показать совершенный произволъ нашего отъѣзда.—Посолъ Бухарскій совершенно одобрилъ нашу рѣшимость, но только боялся за насъ, и умолялъ меня убѣдить наше правительство выслать для охраненія его отрядъ, какъ будто это легко было сдѣлать. Не такъ было съ караванъ-башемъ; если бы къ нему явилась тѣнь его отца, онъ не былъ бы такъ пораженъ, какъ при моемъ явленіи и особенно при извѣстіи, о нашемъ внезапномъ отъѣздѣ! И было отъ чего придти въ ужасъ! Что сдѣлають съ нимъ, а пуще съ его товарами въ хивинской тамождѣ, гдѣ онъ думалъ окупить весь караванъ выдачею насъ! Теперь всѣ его планы разрушались... Онъ было попытался поколебать меня, но видя, что всѣ усилія въ этомъ случаѣ были напрасны, унижительно про-

силъ забыть о томъ, что было, увѣрялъ въ своей безпредѣльной ко мнѣ покорности, называя себя моимъ рабомъ и проч. На все это, я ему шепнулъ, что если онъ встанетъ съ постели до утра, не только что зайкнется кому сказать о нашемъ отъѣздѣ, то... горе ему! его стерегутъ въ эту ночь преданные намъ люди.

Возвратясь къ себѣ въ кибитку, я обратился къ Мугамету: Мы ѣдемъ! Если твое раскаяніе, твоя къ намъ преданность искренны, ступай съ нами и раздѣляй нашу участь. «Когда же мы ѣдемъ?» спросилъ онъ.—Сію минуту: лошади осѣдланы и все готово. «Куда?»—Узнаешь послѣ. — «Но у меня плохая лошадь», возразилъ онъ. — Падетъ, дадимъ заводную. «А гдѣ возьму я пищу?» — Станемъ кормить тебя.—«Я вашъ душою и тѣломъ, сказалъ онъ, простирая ко мнѣ руку; для васъ я оставляю своего товарища, котораго люблю какъ сына, для котораго я былъ отцомъ. Вы не забудете его, если ваши обстоятельства измѣнятся къ лучшему.—Онъ позвалъ Киргиза Чеку, который оставался при нашихъ вещахъ, и поручилъ ему сказать своему товарищу, чтобы онъ ждалъ его, ждалъ лучшихъ дней въ аулѣ Исета.—Горько плакалъ Чека, разставаясь съ нами: бѣдный, онъ предвидѣлъ свою участь.

На коня! — Фырканье лошадей и мельканіе тѣней на горизонтѣ было замѣчено сторожившими насъ Киргизами: они подняли тревогу; надобно было торопиться; шумъ и суматоха увеличились; сбѣжались зрители и дѣйствователи, но въ совершенной темнотѣ не знали куда обратиться, какъ преградить намъ путь. Мы отправились, и на топотъ коней раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Крупной рысью пронеслись мы съ версту и оставивъ позади себя погоню, крикъ и проклятія, остановились, чтобы

привести въ порядокъ нашъ отрядецъ, состоявшій изъ 14-ти человѣкъ: каково же было наше пораженіе, когда, по счету, одного не оказалось. Сначала я думалъ, что не было Мугамета, но онъ откликнулся на зовъ; стали всматриваться въ лицо каждаго: не было переводчика!— Я послалъ Мугамета отыскивать его вокругъ каравана, и вскорѣ Мугаметъ явился съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Что было дѣлать? Кинуть его на жертву ожесточенной толпы, не попытавшись даже исторгнуть изъ нея, было незаконно и невозможно по многимъ отношеніямъ; ѣхать назадъ... Еще разъ послалъ я Мугамета, развѣдать въ караванѣ объ участи потерявшагося.

Рѣзкій буранъ сѣкъ насъ прямо въ лице. Лошади, испуганныя перестрѣлкой и темнотой ночи, фыркали и рвались; погоня, казалось, попала на нашъ слѣдъ, потому что крики ея стали доходить до насъ. Вдругъ слышался конскій топотъ и, вслѣдъ за тѣмъ, показался всадникъ: это былъ переводчикъ! Испуганная лошадь унесла его было въ сторону: онъ опустил поводья и ввѣрился совершенно инстинкту вѣрнаго животнаго, нѣсколько времени носилъ его добрый конь по степи, пока не слышала фырканья лошадей, съ которыми свылся, и не вредимо принесъ его къ намъ.—Слава Богу!—Камень отлегло отъ сердца... Впередь!—А Мугаметъ? Некогда было ждать его. Съ тѣхъ поръ я ничего о немъ не слышала.

ГЛАВА III.

Предосторожности нашихъ вожатыхъ; они открываютъ барантовщиковъ; еще барантовщики; послѣдніе убѣгають, но первые только скрываются; ихъ хитрости; условные знаки. Барантовщики нападаютъ на насъ, но безъ успѣха. Причины и слѣдствія рѣдкаго убійства во время баранты. Вѣдственная ночь. Сайгачники. Чушка-кульской лагерь.

25-го Ноября. — Чушка-кульское (Амбулакское) укрѣпленіе.

Степь представляла точное подобіе безграничнаго, взволнованнаго моря: мы ринулись въ него на борьбу съ бурянами, которые могли смести и самый слѣдъ существованія нашего, на встрѣчу съ барантовщиками, этими корсарами пустыни, которые рыщутъ особенно здѣсь, на песчаномъ пространствѣ, отдѣляющемъ Большіе-барсуки отъ нашихъ укрѣпленій; угрожаемые хивинскими отрядами, преслѣдуемые погонею Карабашевцевъ, мы были на сторожѣ денно и ночью.

Съ разсвѣтомъ погода прояснилась; оба наши Киргиза кружили по возвышеніямъ и зорко выглядывали даль. Вскорѣ, старшій изъ нихъ, Куль-Макбетъ, осадилъ коня и пристально, неподвижно, уставилъ въ одну точку свои, изошренные навывкомъ, глаза; къ нему подѣхалъ Ніазъ, а вслѣдъ и мы. «— Барантовщики!» — сказалъ Куль-Макбетъ, указывая на горизонтъ.

— Не Карабашевцы ли?

«Нѣтъ, «чернь» *) не въ той сторонѣ.

*) Прилежащіе къ степи жители объясняютъ этимъ словомъ едва примѣтный, чернѣющійся вдали предметъ.

Мы устремили вдаль свои взоры, но не могли ничего отличить; только самые зоркіе изъ насъ примѣтили какую-то рябь на горизонтѣ.

Вотъ одинъ изъ нихъ ѣдетъ поотдаль, продолжалъ Киргизъ, прищуривъ глаза, которые онъ не сводилъ съ предмета своихъ наблюденій; вотъ воротился во всю прыть назадъ, къ своимъ: они открыли насъ.»—

—Куда они направляются? спросилъ я.

«Сначала ѣхали по тому же направленію, какъ и мы, а вотъ, теперь, своротили: или боятся или заманиваютъ насъ.»

— А сколько ихъ?

«Очень много, отвѣчалъ одинъ.

«Нѣтъ, возразилъ другой, ихъ не такъ много; они гонять табунъ лошадей.» И между нашими Киргизами завязался споръ.

«Видишь ли, какъ тихо идутъ они: ясно, что возвращаются съ баранты; кони устали, а отбитые табуны ихъ задерживаютъ.

«Нѣтъ, они ѣдутъ на баранту и сберегаютъ своихъ лошадей».

«Зачѣмъ они то и дѣло мѣняютъ путь,—видишь, какіе узлы плетутъ по дорогѣ!»

— Нечего терять дорогое время, сказалъ я; ѣдемъ!

Всадники на горизонтѣ скрылись. Мы продолжали путь свѣй частой рысью, между тѣмъ какъ наши два Киргиза дозорили по сторонамъ. Около полудня, оба они остановились вдругъ, оставили глаза свои по двумъ различнымъ направленіямъ и потомъ сѣхались для совѣщаній.—Какія новости? спросилъ я, видя что Киргизы съ жаромъ разговариваютъ, указывая то въ одну сторону то въ другую.

«Вотъ, не вдалькѣ, утрешніе барантовщики, а тамъ, на право, съ десятокъ другихъ скачутъ во всю прыть въ противную сторону: они приняли насъ за товарищей тѣхъ, и пошли, безъ оглядки, на-утекъ.

«Постой, сказалъ Куль-Макбетъ, утрешніе то бойки; они вѣрно открыли тѣхъ, что теперь такъ шибко бѣгутъ тогда же, какъ и насъ, да сочли ихъ за одно съ нами, а теперь, видишь, догадались и стали смѣлѣе, хоть убавились числомъ.

— Куда же они дѣлись? спросилъ я.

«Узнаешь послѣ; видишь, сколько тучекъ надъ землей: подъ любой укроются, сказалъ онъ и поѣхалъ впередъ.

Я не понялъ отвѣта, но некогда было требовать объясненій. Черезъ нѣсколько времени, Ніазъ, ѣхавшій подлѣ меня, взялъ мою руку и на пути указалъ ею въ сторону: на горизонтѣ, подернутомъ темнымъ облакомъ, вдругъ брызнуло нѣсколько искоръ. Наши Киргизы быстро своротили въ сторону.

Куда? спросилъ я.—«Тамъ колодезь, сказалъ одинъ изъ нихъ, пора напоить лошадей.»

— А что значать эти искры?

«Условный знакъ.»

Теперь я понялъ прежній отвѣтъ Куль-Макбета. На безбрежной равнинѣ, гдѣ нѣтъ ни холма, ни впадины, ни куста, чтобы укрыться отъ взоровъ и преслѣдованія врага, Киргизъ, выдаваемый за-живо своею благодарною землею, ищетъ защиты въ другихъ стихіяхъ: на темномъ, неопредѣленномъ пространствѣ нависшей тучи, принимая возможные движенія и уловки, онъ остается не примѣченнымъ другими, или обманываетъ ихъ своими не естественными положеніями. Въ этомъ случаѣномъ и не вѣрномъ убѣжищѣ, онъ часто разговариваетъ

*

со своими товарищами, разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ и въ подобномъ же положеніи, посредствомъ условныхъ знаковъ, въ числѣ которыхъ самыя употребительныя тѣ, которые мы сейчасъ видѣли. Нужно однако всю опытность Киргиза и этотъ инстинктъ самоохраненія, которымъ онъ одаренъ въ высшей степени, чтобы усмотрѣть, уловить малѣйшія уловки или условныя знаки людей, себѣ подобныхъ, легчайшее движеніе природы, угрожающей его свободѣ или жизни; отъ этой-то непрерывной борьбы съ вѣшнимъ міромъ происходитъ та скрытность и подозрительность, изъ которыхъ исключительно составленъ характеръ Киргиза.

Мы уклонялись болѣе и болѣе отъ своего направленія и вскорѣ дѣйствительно достигли болотцевъ, вырытыхъ въ изсякшемъ рѣчномъ руслѣ; эти ложбины не рѣдко встрѣчаются въ степи и служатъ мѣстомъ пріюта и для мирнаго путника и для барантовщиковъ. Напоивъ лошадей, и описавъ нѣсколько круговъ въ степи, мы наконецъ направили коней на свой настоящій путь. По всему видно было, что наши Киргизы хотѣли обмануть бдительность своихъ антогонистовъ; но мы имѣли дѣло съ опытными корсарями этого сухого моря. Солнце уже склонялось къ западу, какъ вдругъ, вовсе неожиданно, и не далѣе какъ на два ружейныхъ выстрѣла, вспрыгнувъ всадникъ, словно выросшій изъ земли: онъ и бѣлый конь его, лежавшіе на землѣ, и такъ сказать слитые въ одинъ цвѣтъ со снѣгомъ, до того времени не были примѣчены нами. Всадникъ кинулся стрѣлой въ сторону, и наши испуганные Киргизы начали шептаться между собою; не знаю, думали-ль они о бѣгствѣ, но мы болѣе всего страшились того, чтобы не остаться безъ путевода въ безконечной пустынѣ? Какъ бы то ни было, а вскорѣ

одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что это былъ сторожевой тѣхъ барантовщиковъ, которыхъ мы уже видѣли два раза, и что прочіе Киргизы скрываются гдѣ-нибудь очень близко и конечно не замедлятъ напасть на насъ. Мы остановились и, поставивъ лошадей въ кружокъ, поручили ихъ троиmъ слабѣйшимъ изъ среды насъ; съ остальными стали въ оборонительномъ положеніи. Еще не успѣли мы изготoвиться, какъ изъ-за не большого возвышенія показались три отдѣльныя толпы людей; въ нихъ было всего за 30 человекъ; легкою и ровною рысью приближались они къ намъ, и вдругъ, разсыпавшись, какъ брызги отъ брошеннаго въ воду камня, съ гикомъ кинулись впередъ, по съ той же быстротой отпрянули, увидѣвъ уставленные противъ нихъ ружья. Они вихремъ кружились около насъ, осыпая бранью, и требовали нашихъ лошадей, обѣщая этою цѣною дать намъ пощаду. Наши Киргизы, успокоенные нѣсколько ихъ первымъ неудачнымъ натискомъ и нашей рѣшимостью, отвѣчали имъ также бранью и клялись не только отнять у нихъ лошадей, но захватить ихъ самихъ, отцовъ ихъ и даже дѣдовъ, живьемъ. Они увѣряли, что мы только передовые сильнаго отряда, который нѣсколько поотсталъ и вѣроятно послѣдитъ на выстрѣлы. Конечно, на ту пору, наши вожатые забыли, что мы еще съ утра были открыты и сосчитаны нападавшими на насъ. И дѣйствительно, угрозы ихъ мало подѣйствовали; барантовщики вновь кинулись на насъ, размахивая своими длинными пиками, которыя почти у всѣхъ составляли единственное вооруженіе, и вновь рассыпались. Вскорѣ они потребовали переговоровъ; мы было не хотѣли ихъ слушать, но Нязъ и Куль-Макбетъ утверждали очень убѣдительно, что это было бы противно правиламъ чест-

ной баранты и чрезвычайно невѣжливо съ нашей стороны; вслѣдствіе сего вступили въ мирныя объясненія. Двое изъ барантовщиковъ, оставивъ свои оружія, подошли къ намъ съ изъявленіемъ самой глубокой дружбы, объясняя свое нападеніе тѣмъ, что приняли было насъ за Киргизовъ — барантовщиковъ, и утверждали, что чувствуютъ ко всѣмъ Русскимъ неизъяснимую любовь, а между тѣмъ измѣряли взоромъ наши способы къ оборонѣ; эти парламентареры продолжали, что они изъ роду Назаръ, преданнаго Россіи и враждебнаго Карабашевцамъ, которые отбили у нихъ лошадей: въ заключеніе, вызывались, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, проводить насъ до укрѣпленія: обманъ былъ слишкомъ пошлъ, чтобы вдаться въ него, и мы, отклонивъ всѣ ихъ предложенія, сѣли на коней и отправились въ путь.

«Джигитъ, джигитъ сказалъ Ніазъ, потрепавъ нѣкоторыхъ изъ насъ по плечу.

— Если бы теперь съ вами было столько вашихъ, сколько было Русскихъ, чѣмъ бы сдѣлали съ этими барантовщиками?

«Кто надѣялся бы на своего коня, тотъ бы бѣжалъ, а кто нѣтъ, тотъ отдалъ бы барантовщикамъ и коня, и все, что только имѣеть, до рубахи: добрые люди всегда оставляютъ рубаху, если не защищаешься противъ нихъ.

— Лучше же умереть въ бою, а можетъ быть еще выйти изъ него съ честью и добычей, чѣмъ умереть отъ голода и холода, оставшись безъ пищи и одежды, замѣтилъ я.

«Въ бою противъ сильнаго страшно, и смерть ближе; а тутъ, можетъ еще и добредешь до ближайшаго аула или добрые люди на тебя набредутъ».

Этимъ объясняется, отъ чего убійства бывають не такъ

часты между Киргизами, какъ бы можно было ожидать отъ безпрестанной баранты. За то, какъ дорого обходится это мнимо-человѣколюбіе тѣмъ, кто имѣетъ несчастіе испытать его. Сколько разъ встрѣчали мы полунагихъ, отощавшихъ, избитыхъ и изнуренныхъ Киргизовъ, скрывавшихся отъ холода въ сугробахъ снѣга, отъ непріятеля въ камышахъ, и питавшихся лоскутомъ найденной ими шкуры или съ трудомъ добываемыми кореньями. Какъ теперь гляжу я на Киргиза, котораго мы нашли въ камышахъ, помнится, близъ Мугуджарскихъ горъ: нагой, онъ лежалъ свернувшись клубкомъ и закрывши голову свою обѣими руками; полузанесенный снѣгомъ, бѣдный Киргизъ такъ мало походилъ на человѣка, что вглядываясь въ него очень долго, я ни какъ не могъ распознать, что это было за существо! Наконецъ, откинувъ его зачоченѣлыя руки, мы увидѣли голову, до того покрытую инеемъ, что на ней не было примѣтно лица; только двѣ звѣздочки глазъ его блестя ярко и однѣ свидѣтельствовали о человѣческой природѣ. Киргизъ въ правой рукѣ держалъ огниво, въ лѣвой труть, послѣднюю надежду, которая могла исчезнуть только съ жизнью; мы приподняли его недвижимаго; опытные Киргизы, бывшіе съ нами, сказали, что въ глазахъ еще примѣтна искра жизни, и мы взяли его въ кибитку, не смотря на всѣ просьбы Киргизовъ покинуть его: во первыхъ, говорили они, потому что однимъ Киргизомъ болѣе или менѣе—совершенно все равно для нихъ и для насъ, а этотъ же такъ близокъ былъ къ смерти; во вторыхъ, онъ принадлежалъ къ враждебному имъ роду. Мы, однако, возвратили страдальца къ жизни, которой, впрочемъ, онъ не очень обрадовался. За чѣмъ ни ѣ, говорилъ онъ: идти съ караваномъ нельзя,—убьютъ Чиклинцы; идти въ

аулы далеко: опять наткнешься на баранту, опять придется по каплѣ выстрадать жизнь, опять начинать ту же чашу, которую я допивалъ. На вопросъ мой: долголь онъ былъ въ томъ положеніи, въ которомъ мы его застали, бѣдный Киргизъ отвѣчалъ, что онъ сосчиталъ шесть дней, на седьмой стужа увеличилась, окостенѣвшія руки не могли воспользоваться огнивомъ, единственнымъ благомъ, которое барантовщики большею частію оставляютъ жертвамъ своего грабежа; онъ уснулъ и долго ль спалъ—не помнить.

У Киргизовъ есть пословица: «Убѣгающій и преслѣдующій равно молятъ Бога; но Богъ помогаетъ тому, кто убѣгаетъ», а потому бѣгство даже съ самаго поля битвы не считается большимъ преступленіемъ: только бы умѣлъ уйти.

Ночь наступала; снѣгъ сыпался частыми и крупными хлопьями, а мы все продолжали путь свой; нигдѣ ни пригорка, ни равнины, чтобы укрыться на время ночлега. Наши вожатые часто и сомнительно поглядывали на небо. Наконецъ все стемнѣло. «Надо идти, сказалъ Нязъ, вида наше нетерпѣніе. До Мелюсы не далеко, если угадаемъ выйти прямо на нее». А тамъ что? Старое русло рѣки. Можно укрыться отъ бурана.» — А развѣ будетъ въ эту ночь буранъ? спросили мы въ нѣсколько голосовъ.—«Какъ знать, что угодно Богу».

Дѣйствительно, вѣтеръ крѣпчалъ, становился порывистѣй, небо дѣлалось темнѣй и грознѣй... Поднялся буранъ; не было возможности идти далѣе, и мы принуждены были остановиться на открытой отовсюду равнинѣ. Какая ночь! Джюломы *) съ нами не было; пытались

*) Джюлома, походная киргизская кибитка.

было развести огонь, но мигомъ разметывало весь кукъ — пекъ собрачный съ такими усиліями: съ трудомъ можно было держаться на ногахъ, а между тѣмъ то и дѣло надобно было собирать лошадей, которыхъ разгоняло далеко вѣтромъ. Бѣдныя, онѣ дрожали всѣмъ тѣломъ и сами жались въ кучку, но не могли противустоять все-сокрушающей силѣ бурана. О снѣ нечего было и думать: прижавшись другъ къ другу какъ можно тѣснѣе, мы лежали недвижимо, подъ сугробами снѣга, которыми то и дѣло, заносило насъ. — Ревъ и вой доходилъ до насъ глухо, и тѣмъ грустиѣ отдавался въ сердцѣ.

Если этотъ буранъ продлится сутки, другія? были единственныя мысли, занимавшія конечно всѣхъ насъ. Скоро-ли разсвѣтъ? спрашивали мы безпрестанно, какъ будто съ утренней зарей должны были кончиться и наши бѣдствія; но и разсвѣтъ не приходилъ; ночь казалась вѣчностію.

«Свѣтаетъ, воскликнулъ наконецъ сторожевой казакъ, отрывая насъ. — Что буранъ?» Маленько потише».

Первый взглядъ на небо — и яркая, багровая полоса вдоль горизонта возвѣстила намъ, что сильный морозъ смѣнялъ буранъ. Мы отправились.

Версть за пять отъ ночлега, мы переѣхали Мелюсу, которую съ такимъ нетерпѣніемъ отыскивали наканунѣ, верстахъ въ 10-ти отъ нея Аксай, далѣе Джаинды. Эти сухія рытвины, которыя, вмѣстѣ со многими другими, носятъ на нашихъ подробныхъ картахъ названія рѣкъ, хотя онѣ наполняются водою только во время весны, и то не всякій годъ. Характеръ ихъ вездѣ одинаковъ: песчаное дно, на которомъ встрѣчается много окаменѣлостей, особенно изъ роду *Sandium*, и глинистыя, изрытые бока; въ руслахъ попадаются кое-гдѣ колодцы, от-

рада путника во время знойнаго лѣта; вездѣ природа, лишенная жизни.

За Чаганомъ, на юго-западъ, начинаются возвышенности, которыя, возставая, гряда надъ грядою, все выше и выше, пересѣкаются крутыми обрывами и ущельями: ихъ особенное строеніе и ребристый песчаникъ, усѣянный окаменѣлостями, убѣдили насъ, что мы достигли предгорій Усть-урта. Поднявшись на горный хребетъ, мы увидѣли равнину, лишенную всякаго произрастения, кромѣ тощаго кустарника и одного рода полыни, которую впрочемъ охотно ѣдятъ верблюды, равнину, покрытую мѣстами солонцами и щебнемъ, состоящую изъ вязкой глины и лишенную большею частію воды, — это Усть-уртъ; на этой то пустынной равнинѣ встрѣтили мы признаки человѣческой жизни: двѣ три кибитки, низкія, закопѣлыя, ветхія, стлались въ уровень съ землей, подъ защитой тощихъ кустарниковъ; ужасный запахъ распространялся окрестъ ихъ, возлѣ не было ни верблюда, ни даже овцы, — обыкновеннаго достоянія Киргиза; надъ кибитками не вился отраднѣйшій дымокъ; только протяжный вой собакъ нарушалъ безмолвіе и возвѣщалъ о жизни тамъ, гдѣ смерть пріосѣнила крыломъ своимъ всю природу: здѣсь живутъ сайгачники, сказалъ мнѣ вожатый.

Сайгачники самый несчастный народъ въ степи; они бѣднѣе и жалче тамошнихъ рыбопромышленниковъ. Тѣ и другіе бывають доведены до своего состоянія только совершенной нищетой; пока у Киргиза остается одна овца, онъ кочуетъ съ нею, онъ счастливъ; но рыбопромышленники и сайгачники прикованы къ своему мѣсту; для нихъ нѣтъ кочевки, нѣтъ болѣе радостей въ мірѣ. Первые живутъ близъ рѣкъ или моря, иногда посѣщаются людьми, но сайгачники ведутъ всю жизнь свою въ мѣстахъ ди-

кихъ и уединенныхъ, которыя обыкновенно служатъ путями для сайгаковъ, во время общаго ихъ перехода; здѣсь-то, осенью, Киргизы-промышленники разставляютъ для нихъ повсюду западни, и во время одной недѣли запасаются на цѣлый годъ мясомъ для нищи и шкурами для своей одежды.

Мы зашли съ Нязомъ въ одну изъ кибитокъ. Въ ней было пусто и холодно. Единственный жилецъ ея, старикъ, лежавшій на невыдѣланныхъ шкурахъ, и ими же закутанный, приподнялъ голову и обнажилъ часть своего тѣла, покрытаго струпомъ и язвами: увидѣвъ насъ, онъ опять закутался и уснулъ. Совершенная апатія въ его взорахъ и поступкахъ показывали ясно, что для него жизнь и смерть — слова ничего не выражающія, ничего не общающія, и что въ нынѣшнемъ своемъ положеніи онъ столько же принадлежалъ первой, какъ и послѣдней. Грустное, стѣсняющее сердце зрѣлище: я поспѣшилъ его оставить.

Лошади уставали подъ нами; едва можно было добиться отъ нихъ крупнаго шагу, вмѣсто частой рыси, которою мы ѣхали до сихъ поръ; почасту тотъ или другой изъ насъ покачивался, вздремнувъ на лошади. Вдругъ Нязъ остановился и неподвижно устремилъ взоры на другаго своего товарища, описывавшаго круги вдали отъ насъ, на одномъ изъ возвышеній: этихъ круговъ было условленное число, и нашъ вожатый радостно закричалъ: «Суюнча, Суюнча!»—Мы доѣхали такъ скоро, какъ только могли, довозвышенія, гдѣ стоялъ Куль-Макбетъ, и устремили взоры по направленію его руки: вдали, вдали на горизонтѣ, синѣлась волнистая полоса, словно иззубренное лезвіе заслуженнаго клинка: то былъ Чушкакульскій лагерь. Русскіе!

ГЛАВА IV.

Пребываніе въ Акъ-булакскомъ лагерѣ. Общество Гарнизонныхъ офицеровъ. Довольство среди всеобщихъ лишеній. Увѣренность въ томъ, что Живинцы не достигнуть до Акъ-булакскаго укрѣпленія и не рѣшатся напасть на него.

10 Декабря. Чушкакульскій (Акъ-булакскій) укрѣпленный лагерь.

Скучно и длинно тянулось время. Акъ-булакское укрѣпленіе, построенное съ лѣта, служило, вмѣстѣ съ Эмбинскимъ укрѣпленіемъ, складочнымъ мѣстомъ для провіанта и припасовъ, заготовленныхъ для военнаго отряда, шедшаго въ Хиву. Акъ-булакъ былъ расположенъ у предгорья Усть-урта и находился далѣе, чѣмъ на полпути отъ Оренбурга до Хивы. Первоначальный гарнизонъ его простирался до 500 человекъ съ казаками и артиллеристами, но впослѣдствіи онъ уменьшился отъ больныхъ и умершихъ. Между тѣмъ частые и самые ужасные бураны довершали разрушеніе въ укрѣпленіи: рвы и стѣны, которыми былъ обнесенъ лагерь, сравнялись; употребляли безпрестанныя усилія, чтобы очистить хотя барбетты, а работа ни сколько не подвигалась впередъ: что дѣлалось днемъ, уничтожалось ночью.

Въ этомъ то укрѣпленіи бивакировали мы. Наши биваки имѣли ту особенность, что были расположены на глубокомъ снѣгу, въ походныхъ киргизскихъ джуломахъ, которыя то и дѣло срывало вѣтромъ. Сколько разъ, среди ночи, были мы внезапно пробуждаемы пронигавшимъ до костей холодомъ и, раскрывая глаза, видѣли надъ собою, вмѣсто кошомнаго круга своей кибитки, небо съ его неизмѣннымъ бураномъ, а вокругъ себя заметы снѣ-

гу; бывало боишься покинуть холодное ложе, чтобы не предать всего себя на жертву бурана, и остаешься под открытым небомъ, полузанесенный снѣгомъ, пока не раскинуть опять джулому, (а это сдѣлать не легко во время бурана) и только тогда какъ вспыхнетъ ярко сухой камышъ, единственное горючее вещество, которое мы имѣли, тогда выползаешь изъ подъ тяжелыхъ, мокрыхъ шубъ къ отрадному огоньку; сколько разъ, пригрѣтые имъ, мы тутъ же предавались сладкому сну, и за утра находили полусгорѣвшею скудную одежду, которая еще у насъ оставалась; не рѣдко огонь проникалъ до тѣла и въ соединеніи съ холодомъ, обдававшимъ съ другой стороны, наводилъ на спящаго невыносимо тяжкія ощущенія, словно давленіе кошмара, отъ котораго трудно было освободиться.

Есть минуты радостей среди постоянныхъ лишеній. Во время переѣзда нашего отъ каравана до Акъ-булака, мы дѣлали по 140 верстъ въ сутки, конечно верхомъ; чрезвычайная усталость до того заглушала голодь, что двухдневнаго запаса сухарей, который взяли для себя казаки (мы не брали съ собою ни какихъ припасовъ), намъ было очень достаточно во время всего переѣзда, но жажда мучила насъ безпрестанно. «Только чай могъ-бы утлить эту томительную жажду», воскликнулъ кто то изъ насъ съ тою тоскою, съ какою говорятъ о предметѣ миломъ сердцу, но на всегда потерянномъ. «У меня есть сахаръ, отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ.—Есть сахаръ!—Это уже казалось богатствомъ для насъ, хотя мы еще не знали, какое употребленіе изъ него сдѣлать.—А чаю можно достать, сказалъ переводчикъ.—Можно достать! гдѣ?—И мы съ недоувѣріемъ глядѣли ему въ глаза. У меня въ гуржумахъ (переметныя сумы) всегда хранился прежде

чай; теперь его нѣтъ.... но не такъ же плотно онъ былъ завернуть, чтобъ не просыпался когда нибудь, и если хорошенько поискать то вѣрно можно собрать нѣсколько крохъ. Приступили къ дѣлу, и между бѣльемъ, сапогами и прочимъ хламомъ, дѣйствительно нашли не много чаю съ примѣсью разной разности; оставалось одно затрудненіе: въ чемъ изготовить его?—Но наши казаки и тутъ умудрились: нашелся заржавленный желѣзный ковшъ, вещь необходимая для того, чтобы поить лошадей въ степи, гдѣ колодцы большею частію и почти исключительно замѣняютъ проточную воду; въ этомъ ковшѣ вскипятили воду, заварили чай и изъ этого же ковша пили его, и конечно никогда въ жизни не пили мы его съ такимъ наслажденіемъ, какъ въ ту пору.

Общество наше въ лагерѣ состояло изъ двухъ или трехъ офицеровъ линѣйнаго Оренбургскаго баталіона № 2-го, которымъ мы обязаны радушнымъ пріемомъ, и двухъ изорванныхъ книгъ «Библіотеки для чтенія», случайно завезенныхъ сюда кѣмъ то изъ нихъ. Ничѣмъ ненарушаемое единообразіе навело на гарнизонныхъ офицеровъ,—конечно не безпечность, но совершенную увѣренность въ томъ, что Хивинцы, упустившіе благоприятное время къ нападенію на наши малочисленные отряды лѣтомъ, когда основывалось укрѣпленіе, никакъ не рѣшатся напасть среди зимы на укрѣпленіе, уже устроенное, хотя правда и разрушенное, какъ мы замѣтили буранами, однако снабженное всѣмъ нужнымъ для выдержанія атаки или осады, чтобы они наконецъ могли пройти Усть-уртъ и все пространство 600 верстъ, отдѣлявшее ихъ отъ Акъ-булака, по глубокимъ снѣгамъ, въ бураны, для чего необходимы были запасы для нихъ, и особенно для ихъ аргамаковъ, вообще изнѣженныхъ и слабыхъ въ даль-

нихъ переходахъ: все это требовало нѣкотораго порядка и подчиненности, столь чуждыхъ ордамъ Туркменовъ и природныхъ Хивинцевъ.

Дѣло 18-го и 19-го Ноября, при Ак-булакѣ.

Рано утромъ часовые съ редута увидѣли движущуюся, сѣроватую массу на горизонтѣ, со стороны Донгусъ-гау; ударили тревогу. Между тѣмъ начались разныя догадки: говорили, что это русскій отрядъ, котораго въ то время ждали, что онъ вѣроятно сбился съ пути во время бурановъ и потому является съ противоположной стороны; иные увѣряли, что это марево, миражъ, и дѣйствительно призракъ, принятый за отрядъ, вскорѣ скрылся; люди были распущены изъ-подъ ружья и пикеты отправлены на свои мѣста. Вскорѣ однако опять ударили тревогу въ редутѣ, отстоявшемъ саженей на сто отъ укрѣпленія, и на этотъ разъ предметъ былъ такъ ясенъ, что не потребовалъ никакихъ догадокъ и поясненій, толпы всадниковъ, то разсыпаясь въ разныя стороны, то вновь смыкаясь въ колонны и кучки, обгинали еще вдали укрѣпленіе. Этотъ образъ приближенія показывалъ уже несомнѣнно, что то былъ не Русскій отрядъ. Непріятельскія толпы мигомъ взлетѣли на всѣ окружающія возвышенности, въ предположеніи захватить наши пикеты; но къ счастью, снятые во время первой тревоги, они не успѣли занять своихъ мѣстъ, а потому Хивинцы должны были довольствоваться тѣмъ, что выставили свои маяки на возвышеніяхъ; обскакавъ потомъ укрѣпленіе нѣскольکو разъ, какъ бы выглядывая его силы и средства къ оборонѣ, они съ гикомъ бинулись на приступъ: Алла, Алла! Аламанъ-гау, Аламанъ-гау! (во имя Бога, грудью,

дружнѣй) раздавалось отвсюду!—Но встрѣченные залпомъ съ двухъ шести-фунтовыхъ единороговъ, находившихся въ укрѣпленіи, и батальнымъ огнемъ гарнизона, отпрянули такъ же быстро, какъ и насакали; впрочемъ они удалились только изъ-подъ ружейныхъ выстрѣловъ и на этомъ разстояніи обложили укрѣпленіе, между тѣмъ какъ батыри, носясь на аргамакахъ вдоль лѣваго фаса укрѣпленія, какъ болѣе открытаго, вели перестрѣлку съ нашими застрѣльщиками и охотниками. Стоя на барбетѣ съ подзорной трубкою, мы любовались беспорядочной пестротой непріятельскаго отряда; разнообразная одежда обличала составъ его: всего болѣе находилось въ дѣлѣ Туркменовъ, менѣе было Каракалпаковъ, и еще менѣе природныхъ Хивинцевъ и Киргизовъ, какъ то доказали впоследствии и собранныя свѣдѣнія. Число всѣхъ простиралось до 2,000; при нихъ было пять знаменъ и два или три отдѣльные значка. Нашъ гарнизонъ едва могъ выставить 250 человекъ подъ ружье, включая въ то число и деньщиковъ.

Въ теченіи цѣлаго дня непріятель держалъ въ осадѣ нашъ лагерь, дѣлая частыя попытки къ приступу, но всякій разъ не дружно и совершенно безуспѣшно. Нельзя не признать личной храбрости многихъ изъ Туркменовъ; они мужественно кидались впередъ на батальный огонь, но недостатокъ единодушія и подчиненности уничтожали всѣ ихъ усилія: напрасно возбуждали они другихъ кликами и гикомъ къ общему приступу; большая часть оставалась въ почтительномъ отдаленіи отъ укрѣпленія, или разлеталась при первыхъ выстрѣлахъ; особенно дѣйствіе орудій ужасало ихъ: оно примѣтно наводило на нихъ паническій страхъ.

Видно было также, что Туркмены, или старшины ихъ,

силою частаго упражненія въ своихъ наѣздахъ, пріобрѣли, такъ сказать, инстинктъ военнаго ремесла: они умѣли открыть слабую сторону укрѣпленія, совершенно занесенную снѣгомъ и наиболѣе тѣснили его оттуда; пользовались пригоркомъ или могилой (мулой), гдѣ наскоро устраивали шанцы и вели изъ-за нихъ перестрѣлку съ укрѣпленіемъ,—и между тѣмъ, какъ одни стрѣляли, другіе заряжали и передавали имъ ружья; этимъ замѣняли они недостатокъ хорошихъ стрѣлковъ и особенно ружей, которыхъ едвали было до 200 во всемъ отрядѣ.

Къ вечеру непріятель отступилъ и расположился въ шести верстахъ отъ нашего укрѣпленія на дорогѣ въ Эмбинское. Это было первое дѣло съ Хивинцами!

Ночью Хивинскіе разъѣзды приближались почти къ самому укрѣпленію и завязывали перестрѣлку съ нашими часовыми. Нельзя не упомянуть о молодецкомъ поступкѣ двухъ казаковъ; они вызвались доставить донесеніе Командира Акъ-булакскаго укрѣпленія Г. Генераль-Адъютанту Перовскому на Эмбу, и въ ночь, съ 18-го на 19-е число, три раза пускались въ путь по разнымъ направленіямъ, стараясь избѣгнуть непріятельскихъ разъѣздовъ или пикетовъ, но всякій разъ были открываемы и преслѣдуемы ими до самаго укрѣпленія; разъ наткнулись они на самый станъ непріятеля; остановились, припали къ землѣ, и до тѣхъ поръ оставались въ этомъ наблюдательномъ положеніи, пока не были открыты; весь лагерь всполохнулся, и казаки наплечахъ своихъ принесли нѣсколько туркменскихъ всадниковъ къ укрѣпленію:—эти казаки были Мойсеевъ и Воротниковъ.

Непріятель, расположенный, какъ мы замѣтили, вер-

стахъ въ шести отъ нашего лагеря, оставался въ этомъ разстояніи, измѣняя только позицію, до 5-и часовъ вечера другого дня. Тутъ двинулся онъ опять къ нашему укрѣпленію, но вдругъ пріостановился, и соединившись въ нѣкоторомъ порядкѣ внѣ выстрѣловъ, пробылъ здѣсь около часу, въ безпрестанномъ движеніи и въ какомъ-то ожиданіи. Мы видѣли ясно какъ, потомъ, три всадника прискакали со стороны Эмбы, и вслѣдъ за тѣмъ весь непріятельскій отрядъ понесся по дорогѣ къ Эмбинскому укрѣпленію: легко было догадаться, что онъ узналъ о чемъ-то для него важномъ и предпринялъ что нибудь рѣшительное.

Дѣло 19 и 20 Ноября, въ 15-ти верстахъ отъ Акъ-булакского укрѣпленія.

20-го Ноября прибылъ въ укрѣпленіе, подъ командою Поручика Ерофѣева, отрядъ, состоявшій изъ одной роты 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона и 125 Оренбургскихъ казаковъ, и пояснилъ предшествовавшія движенія Хивинцевъ.

Оставивъ нашъ лагерь въ 6-мъ часу вечера, 19-го числа, они настигли ввѣренный Ерофѣеву отрядъ, около 7-и часовъ вечера того же дня, въ 15-и верстахъ отъ Акъ-булакского укрѣпленія, и въ то время, когда онъ располагался на ночлегъ и еще не успѣлъ развьючить всѣхъ верблюдовъ, ударили на него. Нападеніе было совершенно нечаянное; толпы смѣшались; между нѣкоторыми изъ нашихъ солдатъ и Туркменами бой доходилъ до рукопашнаго. Поручикъ Ерофѣевъ спѣшилъ устроить каре изъ вьюковъ и телегъ, и между тѣмъ

какъ нестройныя толпы непріятеля видались на добычу, на вьюки и верблюдовъ, онъ успѣлъ окончить свое укрѣпленіе, и подъ его защитой прогналъ Хивинцевъ, которые однако успѣли захватить часть нашихъ верблюдовъ и лошадей. Лагерь г. Ерофѣева находился въ лощинѣ, представлявшей затишье отъ бурановъ и хотя скудный подножный кормъ. Хивинцы заняли возвышенности съ которыхъ безпокоили его выстрѣлами втеченіи цѣлой ночи.

Жадность Туркменовъ къ добычѣ была такъ велика, что нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь оврагомъ, примыкавшимъ къ одному изъ фасовъ укрѣпленія и темнотою ночи, прокрадывались къ вьюкамъ, составлявшимъ наружное укрѣпленіе и, прильнувъ къ нимъ неподвижно, прикрывъ себя кошмой или какимъ другимъ лахмотьемъ, словно со всѣми уловками и хитростію людей, привыкшихъ къ ремеслу хищничества, успѣвали вытаскивать сухари и нѣкоторыя вещи; но немногимъ удавалось возвращаться съ добычей! Иные были заколоты штыками нашихъ солдатъ у самыхъ вьюговъ, другіе настигнуты: пульей на пути.

Съ зарёю вмѣстѣ поднялись Хивинцы и долго молились, вслѣдъ за тѣмъ раздался звонкій голосъ рожка, и непріятель началъ облегать отрядъ г. Ерофѣева. Человѣкъ 60 Туркменовъ, спѣшившись и гоня передъ собою верблюдовъ, приближались подъ этою движущею стѣною къ нашему каре; за ними слѣдовали толпы конныхъ; но съ первыхъ выстрѣловъ нѣсколько верблюдовъ пало; привязанные одинъ къ другому, остальные не могли двинуться съ мѣста и непріятельскіе охотники остались открытыми; между тѣмъ вышедшіе изъ за укрѣпленія наши стрѣлки сбили и прогнали ихъ, захвативъ

*

обратно своихъ верблюдовъ. Это смѣшало общій непріятельскій натискъ: Хивинцы дѣйствовали не дружно, отступили въ безпорядкѣ и преслѣдуемые далеко, — не показывались болѣе въ виду Русскаго отряда. Г. Ерофѣевъ безъ артиллеріи, съ отрядомъ въ семь разъ менѣе непріятельскаго, безпрепятственно снялся со своей позиціи, и вечеромъ тогожь 20 числа прибылъ благополучно въ Акъ-булакское укрѣпленіе.

Потеря съ нашей стороны состояла изъ 5-и человекъ убитыхъ и 14 раненыхъ. Непритель отступилъ, не успѣвъ даже захватить всѣхъ своихъ убитыхъ, что у Туркменовъ и Хивинцевъ, подобно какъ у всѣхъ мусульманъ, считается постыднѣе самого пораженія. По всѣмъ вѣроятіямъ, потеря непріятеля въ дѣлѣ съ отрядомъ Ерофѣева простиралась до ста человекъ убитыхъ и раненыхъ.

Описанныя мною два дѣла съ Хивинцами, незначительныя въ существѣ своемъ, были важны по послѣдствіямъ, и тѣмъ, что ознакомили насъ съ непріателемъ, съ которымъ мы только въ другой разъ такъ близко встрѣтились.

Собранныя въ послѣдствіи свѣдѣнія показали, что ханъ Хивы, готовясь къ войнѣ съ Русскими, послалъ кличъ къ Туркменамъ, Каракалпакамъ и Киргизамъ, и собравъ около 3 т. отборнаго войска, ввѣрилъ его своему дестерханджи *), самому близкому къ себѣ человеку, извѣстному храбростію и благоразуміемъ въ пародѣ. Онъ

*) Дестерханджи въ буквальномъ переводѣ значитъ скатертникъ; званіе, соотвѣтствующее нашему старшему кравчему; онъ вмѣстѣ и главный казначей, который съ мяфтеремъ раздѣляетъ верховное управленіе Хивы.

отдалъ ему одно приказаніе,—уничтожить Акъ-булакское и Эмбинское укрѣпленія съ его гарнизонами, иначе, не возвращаться въ Хиву. Весь отрядъ состоялъ на ханскомъ жалованѣ, былъ плохо вооруженъ, но на прекрасныхъ аргамакахъ, на быстроту которыхъ хивинскіе воины надѣются въ дѣлѣ болѣе, чѣмъ на собственную силу и храбрость. Онъ достигъ до Каратамака (на Сѣверо-западной оконечности Аральскаго моря) скоро и довольно благополучно; но, застигнутый сильными бурянами, остановился здѣсь и пробылъ на мѣстѣ около двухъ недѣль, изнурилъ коней, ослабъ физически и упалъ духомъ; за всѣмъ тѣмъ, едва миновались буряны, отрядъ выступилъ въ путь, и на третій день явился близъ нашего укрѣпленія, переѣхавъ пространство 250 верстъ!.... Очень сомнительно, чтобы хивинскій военачальникъ снабдилъ нужнымъ количествомъ запасовъ оставшихся на Каратамакѣ худоконныхъ и слабыхъ, которыхъ число простиралось до тысячи человекъ, но у самаго Акъ-булака, при его отрядѣ, было нѣсколько заводныхъ лошадей, большею частію съ запасомъ приготовленной для лошадей кукурузы; стѣстные же припасы каждый имѣлъ при себѣ, или, правильнѣе, долженъ былъ имѣть,—у многихъ ихъ не было.

Я отклонился отъ своего предмета, и спѣшу обратиться къ нему. Хивинскій отрядъ, отбитый отъ Акъ-булакскаго укрѣпленія и потерпѣвшій отъ горсти людей, бывшихъ съ г. Ерофѣевымъ, уже не думалъ идти къ Эмбинскому укрѣпленію, гдѣ сосредоточились въ то время Русскіе отряды, но, прокочевавъ день два въ окрестностяхъ Чагана, направился, чрезъ Каратамакъ къ своимъ владѣніямъ. Застигнутый на пути продолжительными бурянами, онъ потерялъ большую часть лошадей,

и до полуторы тысячи людей погибли отъ голода и стужи; остальные, большею частію разметанные бураномъ на пустынномъ пространствѣ Усть-Урта, кое-гдѣ переждали ненастье и достигли до первыхъ ауловъ. Самъ дастерханджи едва дотащился на чужой лошади въ Хиву, гдѣ подвергся всеобщимъ насмѣшкамъ и гнѣву Хана, счастливый еще тѣмъ, что удержалъ свою голову на плечахъ. Такъ кончилась эта экспедиція.

26 Января. Акъ-бузакъ.

Января 24 прибылъ г. главноначальствующій надъ войсками, дѣйствующими противъ Хивы, и мы были присоединены къ его отряду. Послѣдствія похода этихъ войскъ всѣмъ извѣстны. Мы не дошли до Хивы, но цѣль похода была достигнута: уstraшенный ханъ выдалъ нашихъ плѣнныхъ и согласился на предложенныя ему условія Русскаго Двора.

Довольно изобразить одинъ переходъ нашего отряда, чтобы дать понятіе о всей экспедиціи, о длинномъ рядѣ подобныхъ переходовъ, подобныхъ дней, съ небольшими отгѣнками, въ подробностяхъ, на этой картинѣ, и безъ того, какъ увидите, довольно мрачной.

Въ три часа утра бьетъ барабанъ; съ полъ-часа потомъ продолжается тишина; народъ завтракаетъ, и вотъ поднялась тревога; въючка: крикъ Киргизовъ, единообразный ревъ верблюдовъ, громкое командованіе старшихъ, общее движеніе, и все это подъ открытымъ небомъ въ 26^о мороза или въ буранъ, гдѣ зги не видно передъ собою, и все это ночью, на глубокомъ снѣгу, на открытой отовсюду пустынѣ. Еще барабанъ: это 5 часовъ,

иногда нѣсколько позже; колона выступает. Казаки Оренбургскаго регулярнаго полка, безъ вьюковъ, ѣдутъ впереди въ восемь, десять рядовъ и прокладываютъ восемь, десять тропинокъ въ снѣгу, гдѣ на каждомъ шагу тонуть лошади и гдѣ люди, обыкновенно, спѣшиваются и помогаютъ имъ въ тяжелой работѣ; передовые, выбившись изъ силъ, смѣняются: это самая утомительная борьба съ природой; каждый шагъ надобно брать грудью. За этимъ передовымъ отрядомъ тянутся въ восемь, десять «нитокъ» вьючные верблюды длинной, безконечной вереницей, перемежаясь то артиллерійскими орудіями, изъ которыхъ нѣкоторыя идутъ въ головѣ, то батальономъ линейныхъ войскъ, то сотнею Уральскихъ или Оренбургскихъ казаковъ. Аррьергардъ, идущій въ нѣкоторомъ отдаленіи, подбираетъ отсталыхъ верблюдовъ, или покрайней мѣрѣ собираетъ съ нихъ вьюки. Работа едвали легче работы авангарда, который имѣетъ ту выгоду, что приходитъ гораздо раиѣе на мѣсто.

Утомленные верблюды, особенно во время бурана, валятся на каждомъ шагу,—а, замѣтите, за тропой, которая шириною ровно въ верблюжій ходъ, сугробы снѣгу,—и вотъ бѣдный верблюдъ палъ, около него раздаются проклятія Киргиза погонщика, удары сыплются градомъ, но бѣдное животное безчувственно къ нимъ, и только, когда весь отрядъ отъ него удалится, верблюдъ болѣзненно вытягиваетъ шею, озираетъ пустыню и вновь склоняетъ голову, предвидя горестный конецъ свой: черезъ нѣсколько минутъ его заноситъ снѣгомъ, но жизнь надолго еще остается въ немъ, если не набредутъ на него стаи волковъ, слѣдящихъ за экспедиціей.

Буранъ или морозъ, нерѣдко доходившій до 30 градусовъ, были попеременными и всегдашними спутника-

ми отряда. Слѣдую за длинной вереницей верблюдовъ, въ головѣ которой не видно конца, неимѣя возможности ѣхать рядомъ вдвоємъ и разговаривать (да и не до словъ бывало) на досугѣ изучаешь высокія добродѣтели одного изъ полезнѣйшихъ, изъ «величайшихъ» въ мірѣ животныхъ—верблюда и учишься у него величайшей въ мірѣ добродѣтели, терпѣнію.

Около 3-хъ часовъ по-полудни останавливается отрядъ: новый трудъ. Нужно разчистить сугробы снѣгу для кибитокъ, для подножнаго корма верблюдовъ и лошадей, и наконецъ для ночлега верблюдовъ, у которыхъ только было и нѣги, что ихъ на ночь клали на землѣ, а не на снѣгу; нужно добыть топлива, а это топливо большею частію составляли корни растеній, замерзшіе, едва тлѣющіе на огнѣ и наполнявшіе кибитку удушливымъ дымомъ, вмѣсто отраднатоу огонька. Впрочемъ случался и яркій огонь на ночлегѣ, и это была роскошь, которой конечно вы не достигнете.

Весь отрядъ подвигался большею частію тремя колонами, шедшими на разстояніи обыкновеннаго перехода одна отъ другой. Обыкновеннымъ хорошимъ переходомъ считалось 15 верстъ, но случалось въ поль-сутокъ пройти 2 и 3 версты. Важнѣйшею помѣхою въ этомъ дѣлѣ былъ бурань.

Во всемъ отрядѣ было болѣе 12,000 верблюдовъ. Раздѣлите это число хоть на десять рядовъ съ необходимыми промежутками для вершниковъ, и вы легко себѣ представите, какую безконечно длинную линію занимали они.
